

21	0224-01	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 1 "Сквозь меня"
22	0224-02	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 2 "Норма величья"
23	0224-03	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 3 "Вон из рёбер"
24	0224-04	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 4 "У погребели на краю"
25	0224-05	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 5 "В предпогромные дни"

"Сожжённые слёзы" (Коренблит – Лиснянская)

Часть 2 "Норма величья"

1(26). Пульт дистанционный	– 0.41
2(27). Запретный плод червив	– 1.30
3(28). Тяжелая лира	– 1.40
4(29). Божьи коровки	– 1.19
5(30). Мелодический свет	– 0.57
6(31). Девочка пела	– 1.14
7(32). Норма величья	– 2.07
8(33). Моя тюрьма	– 1.00
9(34). Воровка	– 0.55
10(35). Дурочка	– 1.22
11(36). Явное тайное	– 1.32
12(37). Романс III тысячелетия	– 2.01
13(38). В третье тысячелетие	– 2.40
14(39). Перекрёсток	– 1.49
15(40). Триптих отчаяния	– 2.01
16(41). Молитва	– 1.17
17(42). Кто мной любим	– 1.42
18(43). Разве?	– 2.06
19(44). Слово-серебро	– 1.16
20(45). На опушке сна	– 1.46
21(46). Не сплю	– 1.34
22(47). Насквозь	– 1.43
23(48). Шиповник и жасмин	– 1.55
24(49). Мой нор	– 0.49
25(50). Эта женщина	– 1.05

Общее время звучания - 38.00

Общее время звучания - 190.58

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "Норма величья"

1. ПУЛЬТ ДИСТАНЦИОННЫЙ

Дворик — семь на восемь

Или девять на семь.

Дождик бьется оземь,

Лист слетает наземь.

Эти два события

Явные, они же

Служат для сокрытья

Снов. Об этом ниже:

Хмарью затаенный
 В мире шелудивом
 Пульт дистанционный
 Спит и бредит взрывом.

2. ПЛОД ЗАПРЕТНЫЙ ЧЕРВИВ

Влажный слог, намагниченный лад,
 Льётся дождь приворотный,
 Льётся дождь, и загадочен сад,
 Словно грех первородный.
 Плод запретный червив, и ни с кем
 Дележа не устрою,
 Я одна это яблоко съем,
 И сознание раздвою,
 И отвечу одна. Да и нет
 Ни Адама, ни Змия, —
 Лишь дождя пузырящийся след.
 И Россия... Россия...

3. ТЯЖЁЛАЯ ЛИРА

Зарядили дожди, да и мы зарядили с тобою
 Всё о том же, о чём говорить нам и думать не след.
 Нам до смерти любить эту землю и небо рябое,
 Хоть живём на отшибе погибельных наших побед.

Слышишь, небо шумит, как шумит безутешное море,
 Подгоняет к окошку берёзовой рощи волну
 Да и слух непроверенный, будто в столичной конторе
 Шьется, кажется, дело во всю ширину и длину.

Ну так что ж! Мы не первые и не последние в мире
 Среди тех, чья тяжёлая лира на муки вела.
 Зарядили дожди... Рябь морская в лиловом эфире. —
 Так давай поплывём, поплывём без руля и весла.

4. БОЖЬИ КОРОВКИ

Не дом у меня, а Эдем,
 А яблок я вовсе не ем, —

С тех пор они так вздоржали,
 Что я раскошелюсь едва ли.

Своим безоплатным трудам
 С утра предается Адам,

Печатает сны под копирку,
 А я принимаюсь за стирку,

Уборку, готовку еды...
 Когда облетают сады,

Приходят к нам божьи коровки.

Днём вижу я их на коробке,

Свободной теперь наконец
От бус, от серег и колец.

А вечером наши жилицы —
Закатного солнца крупницы —

В мою заползают тетрадь, —
Хотят, что ли, буквами стать?

5. МЕЛОДИЧЕСКИЙ СВЕТ

А вспомним ли мы
Через несколько лет,
Что был у зимы
Мелодический свет,

Что ловит земля
Сквозь метели и льды
Стеклянное «ля»
Вифлеемской звезды.

А вспомнит ли нас
Через несколько лет
В серебряный час
Колокольный рассвет?

6. ДЕВОЧКА ПЕЛА

В свете войны маскировочно-жестком
Мне и мой нынешний жребий не горек.
Память осталась вечным подростком, —
Я ли вхожу в олеандровый дворик?

В городе нефти, в тылу приморском,
В тесной матроске, в туфлях без набоек,
Девочка пела в консерваторском
Зале на 118 коек.

Что ни лицо, то закрытая рана.
Что моя жизнь перед этой бедою?
Только моё здесь лицо открыто, —

Пуля не ранит, не буду убита!
Ломко звенит колокольчик сопрано:
«Утро туманное, утро седое...»

7. НОРМА ВЕЛИЧЬЯ

Голову ты положила за други своя,
Жертвенность ты понимала как норму величья
Как тебя ни отторгали родные края,
Теменем ты ощущала короны наличья.

Не самозванка, а нищенка тощей казной
 С каждой бездомной душою по-царски делилась,
 Мужу чужому ты стала хожалкой-женой
 Так, словно чудо венчанья на небе свершилось.

Быт завела, стала челядью верной твоей
 Утварь, которую ты величаво лелеешь, —
 Чтобы блестела без золота и янтарей,
 Чистящих, моющих средств на нее не жалеешь.

Я, твой двойник, по велению Слова царю.
 Глупое зеркало этого не замечает:
 «Ваше величество!» — зеркалу я говорю,
 «Ваше овечество!» — зеркало мне отвечает.

8. МОЯ ТЮРЬМА

Разлетелся дым,
 Разметалась тьма...
 Тот, кто мной любим,
 Тот — моя тюрьма.

От свободы он
 Жизнь мою упас:
 Каждый взгляд — закон,
 Каждый жест — указ,

Вздых его — упрёк,
 Поощренье — смех.
 Слово поперёк
 Мне и молвить грех.

Но, чужой, не смей,
 И не смей, родня,
 Из тюрьмы моей
 Вызволять меня!

9. ВОРОВКА

А моя судьба —
 Вся как есть татьба:
 Музыку ukrала
 Я у тишины,
 Мужика ukrала
 У скупой жены,
 У зимы ukrала
 Снежный посошок,
 У сумы ukrала
 Тонкий ремешок,
 Я ukrала кошку
 У чужих ворот,
 Я чужою ложкой
 Обжигаю рот
 И в чужой кастрюле

Слезы кипячу,
 Может быть, и пулю
 Сдуру отхвачу.

10. ДУРОЧКА

А что алело на холмах,
 А что сияло в тех шатрах,
 Об этом дурочке не надо
 Ни знать, ни думать, ни гадать.
 Ее волос седая прядь —
 Как отсвет лунный винограда.

О чем смуглянка Суламифь
 Мечтала, сердце оголив
 И целомудренное лоно?
 Прижать к себе, словно печать,
 Царя и сладостно зачать
 Мальчоночку от Соломона.

Закат алел, восход алел,
 И царь ей Песню Песней пел,
 Но от другой он ждал ребенка...
 О ком ты, дурочка, о чем?
 Прядь серебрится над плечом,
 И русская поет гребенка:
 Цевница, улица, котомка.

11. ЯВНОЕ ТАЙНОЕ

Цветами стреножены бабочки,
 В лучах окрыляется прах,
 И даже домашние тапочки —
 Как лапы на ватных ногах.

А вросшая в берег смоковница
 Пушистей, чем сна вещество.
 Все явное тайным становится,
 Когда ты взглядишься в него.

Меня обнимающий празднично,
 Ты видишь в объятьях своих,
 Что я невесома и призрачна,
 Как кружево гребней морских.

12. РОМАНС III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Среди космических руин
 Есть два сверкания во мгле:
 Твоих очей аквамарин
 Держит меня на земле.
 Ах, обнимай, обнимай меня!

Уже вступает в третий круг
 Тысячелетье на часах.

И только нежность твоих рук
 Держит меня в облаках.
 О, не роняй, не роняй меня!

Так непонятны времена,
 Так много бед в родном краю.
 И лишь любовь, она одна
 Держит меня в раю.
 О, не бросай, не бросай меня!

13. В ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ

1

Ни одной на самом деле
 Не изъяла ты занозы,
 Ни из сердца тверже воска,
 Ни из памяти тверезой,
 Ни из бредящего мозга.

А меж тем на самом деле
 Неподвижно пролетели
 Дни, как белые березы,
 Ночи, черные как ели.

Где гаданья и прогнозы,
 Где твой табор, Мариула?
 Где браслеты? Где колеса?
 Незаметно промелькнула
 Жизнь. На то она — и жизнь.

2

Ах, каблучки, каблучки, вы свое отстучали.
 В стоптанных тапках влачусь, и цыганистой шали
 По Подмосковью с небрежностью не волочу.
 От каблучков я избавлена и от печали,
 Что меня, дурочку, с мужем чужим повенчали,
 Но о сватях я дурного сказать не хочу.

Есть телевизор-малютка. Ах, ролики, клипы...
 Это мой короб, в котором коттеджи и рыбы,
 Книгоиздательства и от Диора духи.
 Смеху — навалом! И вы улыбнуться могли бы:
 В третье тысячелетие тянутся липы
 И прихватить собираются эти стихи.

14. ПЕРЕКРЕСТОК

Гляжу вперёд — и вижу всё, что было,
 Смотрю назад — не вижу ничего,
 Ни жутковатой жизни кочевой,
 Ни городской оседлости унылой.

А впереди — спасительная ложь —
 Пространства нет, есть только перекрёсток,

Где я, старуха, женщина, подросток.
 Смеюсь, едва перемогая дрожь,
 Когда меня ты за руку берёшь,

И вижу я: собрались воедино,
 Сосредоточились в лице одном
 Всех позабытых лица и личины —
 Все города сошлись в один Содом!
 Нет времени, а есть пиры и казни!
 Нет совести, но есть пятно на ней!

Смотреть вперёд — нет памяти опасней,
 Корить тебя — нет слабости напрасней,
 Казнить себя — нет гордости страшней!

15. ТРИПТИХ ОТЧАЯНИЯ

1

Экономно свечи мы задуем,
 Хоть и тёмн этот крестный путь,
 Как-нибудь, но мы перезимуем,
 Переголодуем как-нибудь.
 Видишь, как во тьме венец терновый
 Высветил последнюю из вех!
 Мы готовы, искупить готовы
 Русский наш, ордынско-русский грех.

2

Мятеж подымает нежить
 И люд превращает в нелюдь.
 Ну как тут тебя не нежить
 И как тебя не лелеять?
 Но на сердце твоём наледь,
 Хоть всю развезло дорогу.
 Ну как тут, скажи, не плакать
 И как не молиться Богу.

3

Опасную переживаем зиму,
 Но я своих пророчеств не верну:
 Поддастся поле хлебному режиму,
 Поддастся воля мудрому зерну.
 Ну что же голи выклянчить у голи?
 Гори, гори, небесная игла!
 Ты знаешь, что и волю я, и поле
 Удобрива б собой, когда б могла.

16. МОЛИТВА

Возьми меня, Господи, вместо него,
 А его на земле оставь!
 Я — легкомысленное существо,
 И Ты меня в ад отправь.

Пушкой он ещё поживёт на земле,
 Пушкой попытает судьбу!
 Мне легче купаться в кипящей смоле,
 Чем выть на его гробу.

Молю Тебя, Господи, слезно молю!
 Останови мою кровь
 Хотя бы за то, что его люблю
 Сильней, чем Твою любовь.

17. КТО МНОЙ ЛЮБИМ

Кто мной любим,
 Того не тронь!
 Огонь и дым,
 Дым и огонь...

Огнесмирительной стеной меж ними встану.
 Я, как стекло, закалена,
 Я — и песок, я — и волна,
 И приспособлена к бездомью и туману.

Но тот, кто мною
 Так любим,
 Чужой виною
 Так раним,
 Что не нужна ему моя любовь-охрана.
 Дым и огонь,
 Огонь и дым!
 А он поет, как серафим,
 А искупительная песня богоданна.

18. РАЗВЕ?

Щель была вместо двери,
 В виде иллюминатора
 В толще камня — окно.
 Разве было в пещере
 Иоанна Крестителя
 Мглисто или темно?

Площадь — три на четыре,
 А в овале — миндальная
 Склонов гор густота.
 Что такое есть в мире
 Тьма для первоносителя
 Света в виде креста?

Что ж в своей комнатенке
 Четверть века безвылазно
 Я талдычу о мгле?
 Разве это потемки?
 Разве нету Спасителя
 На безумной земле?

Разве не жаждем чуда
 Мы, невзирая на Ирода?
 Или память пуста?
 Или вращаю блюдо
 Я с головою Крестителя,
 А не свет от креста?

19. СЛОВО-СЕРЕБРО

Слово, которое серебро,
 Все из шкатулки роздано.
 Хвораю, это значит — ребро
 Болит, из коего создана.

За серебро не кори, Адам!
 Золота обручального
 Я с безмянного не отдам, —
 Оно для житья молчального.

С этим колечком и схорони.
 А те, что люблю раздаривать,
 Перстни серебряные, они
 Останутся разговаривать.

20. НА ОПУШКЕ СНА

Из мелких облаков
 На небе набран пояс —
 Серебряно-прочна
 Длина и прямизна.
 Иль это на лету
 Застыл гусиный поезд
 Над устьем забытья
 И над опушкой сна?

Тень на опушке сна
 Продолжили ресницы,
 Как чашечку цветка
 Сосёт мне ухо шмель.
 Щекочет ноздри мне
 Дыхание душицы, —
 Какая у меня
 Прекрасная постель!

Все мысли улеглись,
 И только мысль о небе
 Всё тянется сквозь сон
 К гусиному перу.
 Кто пишет им теперь?
 Что может быть нелепей?
 Всю жизнь я проспала,
 Проснусь, когда умру.

21. НЕ СПЛЮ

Этот город — арестантская одёвка,
Полосатый и застиранный мешок,
В нём давно себя не чувствую неловко,
Ничего не замышляю поперёк,

Ни к чему мне и свирепая усталость
И воинственная русская вина...
Что с того, что я надолго задержалась,
Что с того, что эта улица темна?

Провод голый ухватить рукою голой —
Неужели вспыхнет света полоса?
Я понизила, а ты возвысил голос.
Я зажмурилась, а ты открыл глаза.

Ангел мой, полуседой и бесноватый,
Ты зовешь меня из мрака моего
В тот просвет, куда уходят все закаты
И откуда не приходит ничего.

Фосфорическая кошка ест из блюдца,
Единица придвигается к нулю...
Мне бы вздрогнуть, мне бы вскрикнуть и очнуться
И проснуться — но давным-давно не сплю.

22. НАСКВОЗЬ

К чему внимание заострять
На том, что вместе мы и поврозь?
Стрела амура — чтобы застрять.
Стрела Господня — чтобы насквозь.

Сквозь щель поменее, чем ушко,
В какое тщился верблюду пролезть
Проходит то, что давно прошло,
И то, что будет, и то, что есть.

Вся смерть, прошедшая сквозь меня,
Всем чудом жизни во мне болит,
И воздух, дующий сквозь меня,
Паучьи волосы шевелит,

Колышет иву, колеблет пруд,
Толкает музыку сквозь камыш...
И если песни мои умрут,
То, значит, правду ты говоришь,

И значит, нету меня темней,
И бред мой суший — не вещий бред,
А ты бессмертен в толпе теней,
Поскольку свет сквозь тебя продет.

23. ШИПОВНИК И ЖАСМИН

Каким ещё предаться негам,
 Каких ещё достичь глубин?
 Как вперемешку кровь со снегом
 Цветут шиповник и жасмин.
 И время не летит — течёт
 И крыльями себя сечёт.

Но где жасмин, но где шиповник?
 Февраль на улице, февраль,
 Как многоопытный садовник
 Смотрит не в глубину, а в даль,
 Где красно-белое крыло
 На горизонте расцвело.

Витает снег, летают пули
 И убивают корни слов,
 Капризно скрещенных в июле
 Из очевидностей и снов,
 Где ты сама, как снег, идешь
 И розу дикую сечёшь.

24. МОЙ НОРОВ

Отходчивый, гневливый
 Морской прибой,
 Мой норов прихотливый
 В родстве с тобой.

Опять в объятья схватишь
 И бросишь в дрожь,
 Одной рукой откатишь,
 Другой — прильёшь.

К песку, где жизнь шальная
 Шла, трепеща,
 Одной рукой роняя,
 Другой — ища.

И тех, кого любила,
 Не берегла,
 Одной рукой манила,
 Другой — гнала.

25. ЭТА ЖЕНЩИНА

Эту женщину я знаю, как себя.
 Взгляд рассеянный, а голос неподвижный,
 Чёлка черная, как дождик сентября.
 Фартур кухонный забыт на полке книжной.

Хорошо твоя голубушка живёт!
 В одиночку вдоволь ест и пьёт и плачет, —
 Про любовь ей наобещано вперёд,

За печаль свою сама в рассрочку платит.

Дождь звенит, а ей мерещится — кольцо
С пальца длинного слетает и слетает...
Я-то знаю эту женщину в лицо,
Но она себя давно уже не знает.